

ЛЮБОВЬ ЗЛА И КОВАРНА

В Л А Д И М И Р
КОЛЫЧЕВ

В Л А Д И М И Р

КОЛЫЧЕВ

ВОЛЧИЦА
НЕЖНАЯ МОЯ

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К60

Кольчев, Владимир Григорьевич.

К60 Волчица нежная моя / Владимир Кольчев. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 320 с. — (Кольчев. Любовь зла и коварна).

ISBN 978-5-699-87064-6

Бизнесмен Гордеев живет в своем загородном доме с женой Лерой. Как бы любовь. Как бы идиллия. Но у каждого из супругов есть свои «скелеты в шкафу». И вот наступает время, когда всё начинает рушиться, и семья оказывается на краю пропасти. Лера признается мужу в измене. Гордеев стремительно теряет свой бизнес. Следователь из прокуратуры вымогает взятку. Всё плохо. И выхода, кажется, нет. И тогда Гордеев задает себе вопрос: так что же случилось? Это стечение обстоятельств или же чей-то тщательно проработанный план? Пистолет ложится в его ладонь как влитой. Это — последний аргумент. Но достаточно сильный, чтобы спасти семью...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Кольчев В., 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э»,
2016

ISBN 978-5-699-87064-6

Глава 1

Тихо над рекой: камыш не шелохнется, голавль из воды не выплеснется, лягушка с камня не спрыгнет, даже птицы в прибрежном ивняке примолкли. Ветер, казалось, втянул в себя энергию земли, усмилив на ней все живое, и поднялся вверх, к облакам, — крутить, мудрить, баламутить. Невидимые руки небесного мастера вцепились в большое пепельно-седое облако, будто в ком теста, сузили сверху, расширили внизу, вытянули дужку — вышло подобие кувшина, из которого показался джинн в чалме и с бородой. Закудрявилось облако, вспучилось, завихрилось — кувшин превратился в карету, откуда-то вдруг появились пушистые, в серых яблоках лошади, запряглись, помчали. Джинн исполнил желание, но царскую карету могли поглотить грозовые тучи, наползающие с юга, и ветер ее спасал — тащил к расщелине меж гор-облаков, откуда веером рассыпались косые солнечные лучи.

Затишье перед бурей не будет долгим, ветер прохладными струями спустится на землю — наведет рябь на воду, взобьет волну, с шорохом причешет камыш; зашелестят листья на ветвях дере-

вьев — сначала весело, радуясь дыханию жизни, а потом тревожно, с опаской. Ветер срывает листья, буря ломает ветки, ураган выкорчевывает деревья — как будет сегодня, одному Богу известно. Может, гроза пройдет стороной или над головой, но вхолостую — дунет ветром, прыснет мелким дождем, а громом и молнией даже не пугнет. Но не стоит пытаться судьбу надеждой на лучшее, нужно готовиться к худшему, а там как повезет.

Высокий, средних лет мужчина в шуршащей непромокаемой куртке поднял удочку, поймал поплавок, мягкими, непривычными к физическому труду пальцами снял с крючка выполощенного водой червяка, с безотчетной брезгливостью сбросил его себе под ноги. И гроза надвигается, и клева совсем нет, хоть бы какого пескарика за два-три часа поднял... Да и не перед кем похвастаться уловом: сын в Лондоне на летних каникулах, у жены аврал на работе — в субботу приходится работать, а кастрированный и зажратый Перс даже царской стерлядке рад не будет, ему только «Вискас» для котят подавай.

Михаил Викторович Гордеев не считал себя заядлым рыбаком, и улов как таковой его не интересовал, но все равно обидно — столько времени простоять на берегу и ни разу не испытать хоть и мелкий, но вполне осязаемый восторг в тот момент, когда удочка содрогается под тяжестью бьющейся на крючке рыбешки. Не повезло ему сегодня, но впереди еще мно-

го таких субботних деньков, а река всего в каких-то трех-четыре сотнях шагов от дома — спустился по тропке с косогора, забросил удочку и тихо радуясь в гармонии с природой. Рыбалка успокаивает нервы, выветривает осадок с души, просветляет сознание и облегчает восприятие жизни.

Гордеев одолел подъем, обогнул раakitник, за которым начинался сварной, кое-как выкрашенный в черное забор вокруг коттеджного поселка. Солнце скрылось за тучами, в спину подтолкнул ветер, всполошенно зашелестела листва, а по тропинке косо наперерез проползла, туго извиваясь, черная змея — длинная, толстая. Гад полз быстро, видно, спешил укрыться от непогоды в своей норе, но один только его вид внушал страх — мистический, парализующий. У Гордеева онемело в груди — как будто змеиный яд передался воздушно-капельным путем и попал в кровь через само сознание.

От испуга он оправился быстро, но под впечатлением оставался до самого дома; все время, пока шел по асфальту к своим воротам, смотрел под ноги, как будто на пути снова могла появиться змея. Четыре года он жил в этом поселке, сколько раз бродил в окрестностях и даже ужа ни разу не увидел, а тут гадюка — черная, страшная. Вдруг это знак свыше — такой же предупреждающий, как надвигающаяся гроза?..

Гордеев любил свой дом — большой, красивый, фигурный, под коричневой черепичной крышей,

в светлой минеральной шубе, на высоком фундаменте из крупного цельного камня. Английские газоны коротко выстрижены — никакая змея в них не спрячется, если где-нибудь под кустом кольцом не свернется. Мощенные гранитом дорожки тускло поблескивали в рассеянном свете, они сами змеились, огибая дом, в оперении темныхвойных елей тянулись, разветвляясь, к пруду в одном углу заднего двора и к двухэтажной сауне — в другом. К своим сорока четырем годам он построил три дома, и только этот устраивал его по всем статьям, особенно в первое время. Человек сам по себе натура непостоянная, и от жизни он требует изменений — понятное дело, в лучшую сторону; и если это прихоти, то происходят они от природы вещей, с которой не поспоришь. И если есть возможности, то такие изменения должны происходить; во всяком случае, Михаил Викторович был уверен в этом. А возможности, надо сказать, имелись, поэтому в планах у него выстраивался проект покрупнее и побогаче, с бассейном не только в сауне, но и в самом доме. И чтобы прислуги побольше...

Но пока его материальные данности жили в гармонии с потребностями, и он доволен был существующим положением вещей. И экономка его также вполне устраивала — миловидная женщина лет пятидесяти, с небольшим излишком веса. Светлые волосы собраны в тугую косу и уложены

вокруг головы, взгляд улыбочивый, но тусклый, как будто отстраненный. Так же и ее прошлая жизнь, казалось, была уложена в архив, а взгляд загорался только под воспоминаниями о том, как она была в ней счастлива. Три года назад Таисия Степановна потеряла мужа, и с тех пор ей приходилось заставлять себя держать спину ровно, а голову — высоко. А по вечерам после работы она садилась на кровать в своей комнате, опускала плечи, склоняла голову и погружалась в воспоминания, тем и жила.

— Валерия Павловна звонила. — Экономка улыбалась неярко, но искренне. — Сказала, что будет к ужину.

Гордеев кивнул. Он и не рассчитывал застать жену дома, да и не скучно ему будет без нее. Сегодня у него свободный день во всех отношениях — и с женой не нужно время проводить, и друзей развлекать не придется. Не будет вечером гостей, и они сами с Лерой никуда не пойдут. Выпьют за ужином по бокалу вина и разойдутся по своим комнатам. У него танковый бой в компьютере, у нее книга, за которой не скучно...

* * *

Гречневая каша с маслом, яйцо всмятку, пара горячих бутербродов с сыром и ветчиной, крепкий кофе — неплохое начало дня. Можно было бы добавить еще пару бутербродов в поджаристой

хрустящей корочке и с той же сытной начинкой, но проблема с лишним весом уже давала о себе знать. Рост у Михаила Викторовича — метр восемьдесят шесть, а вес — сто семь килограммов, и живот более чем заметный. Зато Лера могла съесть и свой и его завтрак разом и ни на грамм не поправиться, конституция у нее такая — мечта любой женщины. И фигура для тридцати девяти лет более чем: узкие плечи с точеными ключицами, тонкие нежные руки, стройные длинные ноги с изящными лоджками. Грудина, правда, немного впалая, бюст всего лишь первого размера, тазобедренные кости широко разошлись после родов...

— Тебя подбросить или сама? — спросил Гордеев, глядя, как в чашке над кофейной гладью завихряются дымки.

Он не увидел, как Лера посмотрела на него, но почувствовал ее взгляд — удивленный, с потаенной едкой насмешкой.

Давно уже канули в Лету те времена, когда они отправлялись из дома на работу в одной машине, сейчас у них у каждого своя «каре́та», причем у него — с персональным «кучером». Они давно уже не зависят друг от друга — ни в материальном, ни в моральном плане. Впрочем, их семейная жизнь была серой и скучной изначально — так уж у них повелось, как это ни печально осознавать.

— Я сегодня допоздна буду, — сказала она и отстраненно посмотрела в окно.

Гордеев понимающе кивнул. У Леры своя туристическая фирма, вполне успешная, у нее и зимой много работы, а летом, с началом курортного сезона, просто завал... Во всяком случае, она так говорила, а он старался ей верить.

— А ты? — спросила она, скользнув по нему взглядом, в глубине которого при желании можно было уловить притихшую тоску.

— Не знаю.

И у него была своя компания — строительное управление в комплексе с заводами, на которых производились железобетонные конструкции, сухие смеси, кирпич и прочее. Он уже многого добился, и перспективы на будущее хорошо просматривались — дело на более высокий уровень вывести, новый дом поставить, любовницу сменить, а то Рита уже ничего, кроме оскомины, не вызывает. А еще лучше — с Настей снова сойтись...

— Ярославу позвони, если не затруднит, — сказала Лера, делая над собой усилие, как будто сдерживала вздох.

— Да, конечно.

Он первый поднялся из-за стола, посмотрел на жену, прощаясь с ней на целый день. Она у него хорошая, добрая, заботливая, даже симпатичная на внешность, но пресная, без изюминки — скучно с ней и постно. И раньше так было, и сейчас — за двадцать лет ничего почти не изменилось. Привык он к Лере, притерпелся, и раздражать она его пере-

стала, но вряд ли это можно было назвать достижением. Не любил он ее...

Настю любил. Все двадцать лет любил. Столько воды с тех пор утекло, как они стали близки, Настя очень изменилась — волосы уже не такие роскошные, как прежде, истончились, поредели, морщинки на лбу появились, кожа лица обрюзгла, как ни прихорашивайся, грудь обмякла, тело жирком поросло, для своих лет она выглядела не так хорошо, как Лера. Но одну женщину он любил, а другую всего лишь терпел, хотя и без всякого насилия над собой.

А Лера действительно хороша. Волосы всегда были ее коньком — густые, ровные, приятного пшеничного цвета и блеска; время, как ни пытались, не смогло испортить их. А с кожей и вовсе интересно: если раньше она казалась сухой, местами шершавой, то сейчас ее тело стало куда более приятным на ощупь. Немолодая у нее кожа, но все еще нежная, гладкая и даже упругая; может, это и ненадолго, но пока все в лучшем виде.

Лицо у нее широкое, скуластое, но черты гармонируют с такой формой. Тонкие, красиво изогнутые брови, маленькие, но яркие изнутри глаза, узкая переносица, изящно подрезанные ноздри, губы сочные, четко вычерченные, но не чувственные... И линии лица не волнующие, не просматривалась в них эротическая магия, не чувствовалась сексуальная наэлектризованность... Вроде бы и симпа-

тичная она, даже милая, но при всех своих плюсах Лера воспринималась как один сплошной минус. Если может быть недостаток, лишенный изъянов, то это про нее...

И уезжал он чуть раньше, чем она; Лера проводила его до порога, там он ее поцеловал — сухо, коротко, ритуально. От нее приятно пахло французскими духами, кожа и волосы, помимо всего, обладали своим природным, довольно-таки приятным ароматом, но голова у него кругом не пошла. Вот если бы на ее месте была Настя...

Двадцать минут до городской черты, примерно столько же забрали лабиринты улиц с их перекрестками, светофорами, нервными очередями автомобилей. Но время пролетело незаметно — за отчетом, который Гордеев должен был просмотреть за выходные. Сколько сделано, как и куда потрачено, какая выгода, в чем просчеты — все нужно просмотреть, во всем разобраться. Любая упущенная мелочь могла обернуться в будущем большой бедой, и он все это прекрасно понимал, поэтому не торопился. И в офис зашел походкой обремененного делами человека; в голове крутились мысли, а на свою секретаршу он глянул глазами бухгалтера, соизмеряя ее работоспособность с начисленной зарплатой. И только в кабинете, когда Элеонора зашла к нему, глянул на нее как мужчина на женщину. Симпатичная девушка, светлоглазая, белозубая, тонкостанная, но изюминка

в ней слишком сладкая, приторная, даже пробовать не хотелось. К тому же Гордеев не жаловал служебные романы: вкус в них есть, но, как правило, не хватало перчика и соли, а еще опасное это дело — крутить любовь с подчиненной. Взять ту же Элеонору, он располагал только анкетными данными, а без подноготной точного представления о ней не составить. Вдруг ее конкуренты внедрили, может, она уже и заявление об изнасиловании составила, только случая ждет, когда можно будет пустить его в ход. Стоит Гордееву переспать с ней, как все закрутится, а примеров тому немало, уж он-то научен — к счастью, на чужом опыте. Сам он в таких делах старался проявлять осторожность, потому до сих пор на плаву, а грехов за ним ох как много. Это сейчас он просто бизнесмен, а раньше в городской администрации с чиновными полномочиями заседал, и не счесть, сколько скользких дел через его руки прошло...

Элеонора смотрела на него, как будто впервые увидела. Не ожидала его здесь застать, зашла в кабинет, а он там, как явление свыше, хоть челом бей. Это игра такая, и она не скрывала этого. Оживила, так сказать, рабочий момент.

— Да, можешь подать кофе, — усмехнулся он, открывая папку.

Неплохо было бы выкурить сигару в честь начала нового рабочего дня, но тогда на обычный табак потянет, а он бросил, четвертый месяц пошел. Самый

сложный этап уже преодолен, дальше будет проще, а стоит сорваться, снова придется ломать себя, насиловать волю, принуждая ее к повиновению.

— Михаил Викторович, там из Следственного комитета, — растерянно хлопая удлиненными ресницами, пробормотала девушка.

— Что?! — сошел с лица Гордеев.

Перед глазами вспучилось пепельно-седое облако — в спасительном бегстве от грозовых туч, в трескучих кадрах кинохроники проползла змея, пушечными раскатами отзвучал гром, сверкнула молния. Все это было позавчера как дурное знание, а сегодня грянуло.

В кабинет с оглядкой зашел сухопарый сутулый мужчина с обритой наголо головой. Есть люди, которым очень шла такая стрижка, незваный гость в их число точно не входил, но, по всей видимости, он не знал другого способа, как спрятать широкие и глубокие залысины. Волосы у него пробивались только по бокам, а в центре — сплошь блестящая, лоснящаяся от пота гладь без намека на щетинку.

Он остановился на середине кабинета, снова оглянулся по сторонам, как будто по углам здесь мог кто-то прятаться. А оглядывался он как-то странно — медленно крутил головой, а глаза оставались неподвижными. И сам взгляд у него был как у человека, который не столько всматривается, сколько вслушивается. Казалось, его интересовал не только хозяин кабинета, но и настроение, которое гость